

С тех пор Цинь Юй снова остался один. Если не считать редких и коротких бесед с Системой, он проводил время в полном молчании, одинокий и покинутый.

К счастью, когда холодные сливы расцвели вновь и сад Мэйюань снова наполнился яркими, подобными снегу цветами, к нему пришел Цзяо И.

Хотя тот тоже не отличался многословием, это было куда лучше, чем коротать дни в одиночестве.

С тех пор за спиной Цинь Юя больше не было пустоты.

Шли годы, весна сменялась осенью, время неумолимо утекало, а фигура Цинь Юя становилась все статнее.

Однажды Цзяо И доложил ему новость.

— Мятеж? — в глазах Цинь Юя мелькнул огонек.

— Именно так, — Цзяо И на мгновение задумался, заметив, что Цинь Юй вовсе не выглядит потрясенным, как он ожидал, и продолжил: — Его Высочество Цинь Сюань поднял восстание ради трона Императора демонов.

Цинь Юй откинулся на спинку кресла и, постукивая пальцами по подлокотнику, небрежно произнес:

— Не бери в голову.

У него ничего не выйдет.

Цинь Юй давно знал, что Цинь Сюаня ждет смерть, ведь об этом говорилось в сюжете, хотя причины его гибели оставались загадкой. Теперь же он, кажется, нашел ответ.

— Слушаюсь.

Раз Его Высочество сказал не обращать внимания, значит, так тому и быть. Несмотря на то что Цинь Юй был намного младше Цзяо И, тот подсознательно всегда следовал любому его решению. И дело было не только в том, что Цинь Юй был тем, кому он поклялся служить до конца своих дней, — само обаяние Цинь Юя играло здесь решающую роль.

Зная исход заранее, Цинь Юй не собирался вмешиваться в распри, но Цинь Сюань, зачинщик мятежа, не собирался оставлять его в покое.

Оказавшись запертым в изолированном пространстве, Цинь Юй заметно помрачнел.

Оглядев ослепительно-белую пустоту вокруг, он обратился к улыбающемуся Цинь Сюаню:

— Создать отдельное пространство — на такое способен лишь духовный артефакт небесного уровня или выше. Брат, ты действительно не пожалел сил, чтобы расправиться со мной.

Это обращение брат прозвучало для Цинь Сюаня крайне неприятно. Хотя прежде он сам заставлял Цинь Юя называть его так, это было лишь для того, чтобы позлить его. Теперь же, услышав это снова, он почувствовал отвращение к самому себе. Впрочем, не стоило об этом переживать, ведь он скоро покинет этот мир.

При этой мысли в глазах Цинь Сюаня блеснул холодный свет.

— Цинь Юй, ты знаешь мою цель. Я хочу заполучить трон, а значит, обязан устранить отца и тебя. Отца я оставлю на потом. А сейчас — он призвал длинный меч, от которого веяло убийственной аурой, — я покончу с тобой. Советую не сопротивляться напрасно и принять свою участь. Мы все-таки братья, и я позволю тебе уйти быстро, не подвергая лишним мучениям.

Услышав это, Цинь Юй прищурил свои фениксовы глаза. Его пальцы едва заметно дрогнули, и в них появился серебристо-белый меч, излучающий холодное сияние.

— Эти же слова я возвращаю тебе.

Цинь Юй не был мягкотелым слабаком, позволяющим вытирать о себя ноги. Если его хотят убить, он не станет сидеть сложа руки.

Как только слова затихли, оба бросились друг на друга. Зазвенели клинки, воздух наполнился вспышками заклинаний и энергией духовных артефактов.

В конце концов, Цинь Юй, истекая кровью, прижал Цинь Сюаня к земле и одержал победу с минимальным перевесом.

Цинь Сюань, с разметавшимися волосами и перепачканным лицом, утратил всю свою былую спесь. Он смотрел на Цинь Юя с дикой яростью, скрежеща зубами, не в силах принять поражение. Он не мог представить, что Цинь Юй, чья сила была столь ничтожна, что он вылупился из яйца на сотни лет позже него, смог одолеть его.

Как он мог победить? Он не разрешал этому случиться! Ярость сжигала Цинь Сюаня изнутри, ему хотелось испепелить всё вокруг.

Никто не знал, насколько сильно Цинь Сюань завидовал Цинь Юю.

Это звучало неправдоподобно, но так оно и было. Еще когда Цинь Юй был в яйце, он уже ненавидел его. Он завидовал тому, что матерью Цинь Юя была Императрица демонов из знатного рода — их происхождение было как небо и земля.

После того как Цинь Юй вылупился, он начал завидовать его внешности и манерам. Сам Цинь Сюань был хорош собой, но стоило ему оказаться рядом с Цинь Юем, как разница становилась очевидной.

А когда он понял, что даже Сюнь Лин выделяет Цинь Юя, его зависть достигла небывалых высот.

За что? Почему он?! Цинь Сюань был доведен до крайности.

Если бы Цинь Юй узнал об этих мыслях, он бы лишь холодно усмехнулся. Цинь Сюань видел только то, что хотел видеть, игнорируя остальное. Он не замечал, что мать Цинь Юя рано умерла, что отец не любил его, что он рос в одиночестве, не зная тепла и заботы.

После того как негодование улеглось, Цинь Сюань перешел к действиям. Он постоянно внушал Сюнь Лину, что Цинь Юй коварен и мастерски использует других ради своих целей, утверждая, что сам однажды стал его жертвой.

Сюнь Лин чувствовал вину перед ним, а Цинь Сюань мастерски умел притворяться слабым, поэтому Сюнь Лин поверил ему, даже не пытаясь проверить факты, и тут же отдалился от Цинь Юя.

В тот момент Цинь Сюань был счастлив. Смотри, думал он, Цинь Юй, ты все-таки не ровня мне.

Но сейчас, пытаясь разлепить затуманенные болью глаза и глядя на Цинь Юя — холодного, величественного, не потерявшего своего достоинства даже в крови, — он впервые ощутил отчаяние и раскаяние. Как он мог считать, что Цинь Юй хуже него?

Даже то, что Сюнь Лин выделял его... Цинь Сюань вдруг вспомнил причину, которую выудил из Сюнь Лина путем долгих уговоров, и разразился диким смехом. Это был смех, но звучал он как плач.

Ведь даже то, что Сюнь Лин выделял его, было украдено у Цинь Юя.

<http://bllate.org/book/18608/1791744>